

Известия - 2003 - 20 авг. - с. 8.

Пускай дерутся

Конкурс на Мариинку объявлен, фаворит известен, победитель не важен

На минувшей неделе в Петербурге прошел семинар, посвященный международному конкурсу на строительство новой сцены Мариинского театра. В рамках семинара объявили собственную о начале конкурса, общественности представили членов жюри и 11 архитектурных бригад-участников, этим бригадам выдали задание и показали фронт работ. И договорились встретиться в начале июня, когда все конкурсные проекты будут представлены на выставке в питерской Академии художеств.

Николай МОЛОК

Семинар выявил некоторые конфликты в стане организаторов. Для художественного руководителя Мариинки Валерия Гергиева важно не то, кто построит новый театр, и даже не то, как он будет выглядеть, а то, чтобы он скорее открылся и был оснащен

новейшими театральными технологиями. Акустика или то, как будут «ходить» декорации, для него принципиальнее, чем собственно архитектурное решение здания.

Для главного архитектора Петербурга Олега Харченко важнее всего сохранить в неприкосновенности историческую ткань города — потому-то в прошлом году и был отвергнут первоначальный

проект американца Эрика Мосса, согласному которому в старинную застройку Петербурга врывалась стеклянная конструкция из гигантских то ли облаков, то ли мятых подушек.

Для министра культуры Михаила Швыдкого, возглавляющего оргкомитет конкурса, важен международный резонанс турнира. Россия, пожалуй, впервые становится архитектурной столицей мира. Ведь к участию в конкурсе приглашены настоящие звезды мировой архитектуры (Ханс Холляйн, Арата Исодзаки, Доминик Перро).

Потому, как ни странно, то, кто победит, действительно не важно. Тем более что все участни-

ки — и российские архитекторы, и иностранцы — модернисты, привыкшие строить из стекла и бетона. И каждый предложенный ими проект будет, вероятно, выглядеть странно на фоне Петербурга. Так что вовсе не обязательно, что победитель конкурса будет строить новую Мариинку. Если вспомнить мировую практику архитектурных конкурсов, то они очень часто оказывались лишь формой обсуждения того, каким должно быть новое здание. А затем проект заказывался совсем другому архитектору.

Тем не менее уже сейчас в кулуарах называется имя фаворита — голландца Эрика ван Эгераата, мало известного не только

Валерий Гергиев и Михаил Швыдкой в ожидании суперпроекта

нам, но и самим голландцам. Если учесть сложные взаимоотношения как между организаторами конкурса, так и между членами жюри, мировые звезды, которых приветствовал Швыдкой, могут оказаться лишь «свадебны-

ми генералами», российские архитекторы — лишь статистами, а Эгераат — фигурой, устраивающей всех. Но тогда может возникнуть резонный вопрос: «За что боролись?»

Саянт-Петербург — Москва

Архитекторов и членов жюри объединили в одну команду

Эрик МОСС, американский архитектор, участник конкурса:

— Ваш первый проект отвергли. Так что для вас это как бы второй конкурс. По вашему виду не скажешь, что вы относитесь к нему с энтузиазмом.

— Я архитектор. Это Россия. Здесь были Достоевский, Гурьев, Барышников. Это очень интересное место с точки зрения традиции. Я собираюсь сделать проект и принять участие в этом своего рода обсуждении того, каким должен быть Мариинский театр. Я думаю, что смогу помочь, и я буду рад это сделать. Самое важное для участника конкурса, это воспользоваться уникальной возможностью построить новый театр — для города, для страны, для господина Швыдкого, для господина Гергиева. Поэтому я здесь.

— Как вы относитесь к скандалу по поводу вашего первого проекта?

— Я ничего о нем не знаю. Сейчас меня пригласили участвовать в конкурсе, и вот я здесь. Посмотрим, что будет через четыре месяца.

Ханс ХОЛЛЯЙН, австрийский архитектор, лауреат Притцхеровской премии, участник конкурса:

— Вы один из самых титулованных архитекторов современности. Почему вы согласились участвовать в конкурсе?

— Мне очень интересно. Мне интересна архитектура театра вообще, мне интересен такой театр, как Мариинский, мне интересна задача конкурса — интегрировать новое здание в историческую ткань города, мне интересен Санкт-Петербург.

— Два года назад, когда вы были куратором австрийского павильона на Венецианской архитектурной биеннале, вы показали выставку против

ксантофобии — вы позвали на нее только иностранцев, строящих в Австрии. Насколько сейчас актуальна эта идея интернациональной архитектуры?

— Абсолютно актуальна. Даже больше. Все эти архитекторы сейчас имеют большой успех в Австрии. Француз Доминик Перро недавно выиграл большой конкурс в Вене. Я был председателем жюри. Я сам недавно выиграл конкурс на здание австрийского посольства в Берлине. Но не потому, что я австриец. Конкурс проводился анонимно и был международным. Сейчас в Европе это обычная практика — практически все конкурсы международные.

Эрик ван ЭГЕРААТ, голландский архитектор, участник конкурса:

— Мне очень интересен этот проект. По двум причинам. Во-первых, я хочу показать, что современная архитектура вовсе не обязательно должна быть агрессивной, что она может так же нравиться, как и архитектура XIX века. А значительная часть архитектуры XX века была очень жесткой. Мы можем учиться у XIX века и делать архитектуру XXI века. Во-вторых, я люблю Россию, я хочу участвовать в создании нового типа русской архитектуры. Я думаю, что у вашей страны есть огромный архитектурный потенциал.

— Как вы относитесь к проекту Мосса?

— Я его видел только на нескольких картинках. Я бы так не сделал. Я не говорю, хорош он или плох. Но он слишком самодостаточен, я думаю, нужно в большей степени учитывать историческую застройку Петербурга. Я хочу сделать совершенно другой проект — чтобы он удивлял, но не пугал.

— Вас называют фаворитом конкурса. Как вы думаете, почему?

— Не знаю. Может, потому что у меня есть некоторый опыт работы в Восточной Европе. А может, просто потому, что я люблю Россию.

Колин ЭМЕРИ, директор британского отделения Всемирного фонда исторических памятников, член жюри конкурса:

— Все участники конкурса — модернисты, что концептуально очень ограничивает выбор жюри. Ведь все они сделают примерно одинаковые проекты.

— Мы надеемся, что нет. Мы надеемся, что их вдохновит сама петербургская архитектура. Но нам, членам жюри, предстоит тяжелая работа и бурное, но и любопытное обсуждение. Согласно условиям конкурса, проект выбирает жюри — а ведь нам может ни один не понравиться. Мы можем отвергнуть все проекты, хотя, думаю, что этого не произойдет. Много будет зависеть от того, кто станет председателем жюри.

— Состав участников разнообразен: некоторые очень известны, другие — нет, есть иностранные архитекторы, есть российские...

— Я думаю, что участие русских архитекторов в конкурсе необходимо по политическим причинам. Для России это новая ситуация, и мне кажется правильным, что приглашены и русские, и иностранцы.

— Значит ли это, что и выбор жюри будет политическим?

— Нет, выбор жюри будет чисто архитектурным. Конечно, лучше было бы, чтобы конкурс был анонимным, тогда можно было бы говорить только о качестве проекта. Кстати, для конкурсов — а я был членом жюри многих — очень необычно, что участники и члены жу-

ри проводят два дня вместе перед конкурсом. Это может повлиять на объективность жюри. Но вместе с тем было полезно и нам посмотреть место будущего театра. Необычно и то, что конкурсанты встречаются друг с другом.

— Возможно, хотели объединить всех в одну команду?

— Вполне коммунистическая идея.

Валерий ГЕРГИЕВ, художественный руководитель Мариинского театра, член жюри конкурса:

— Кто победит?

— Талант.

— Как вы относитесь к участию в конкурсе Мосса?

— Мосс оказался хорошим мужиком. Я не удивлюсь, если он покажет что-то такое невероятное, по крайней мере — необычное. А вообще пускай дерутся. Как на футбольном чемпионате. Испания ничем не хуже Бразилии. Но Испания отпала уже в четвертьфинала. Вот чего-то такого хочется.

— Вероятно, вы должны быть против конкурса, ведь он только оттягивает строительство нового театра.

— Нет. Я за конкурс. Я к нему подвал. Ведь не я организировывал смотрение проекта Мосса в прошлом году. — Возможна ли такая ситуация: пройдет конкурс, жюри назовет победителя, а вы скажете: «Мне не нравится, я хочу другого?»

— Если проект мне не понравится, я так и скажу. Как вы думаете, что мне нужно в этом проекте? Деньги — нет. Власть — нет. Мне нужен сильный театр. Мне нужна сумасшедшая позиция этого театра в мире.